

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И КОЛЛЕКТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОПЫТ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В ГЕРМАНИИ

О.И. Зевелёва

ЗЕВЕЛЁВА Ольга Игоревна, аспирант факультета социологии НИУ ВШЭ, младший научный сотрудник Лаборатории политических исследований НИУ ВШЭ. Для связи с автором: olga.zeveleva@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 20.08.2014. Принята к печати: 15.09.2014

Аннотация. В статье исследуется вопрос конструирования коллективной идентичности мигрантов в принимающем сообществе на примере российско-немецких репатриантов в Германии. Автор подводит итоги исследования политики репатриации Германии и биографического опыта российских немцев, иммигрировавших в Германию из бывших республик СССР в 1990-е – 2000-е годы. Исследование базируется на критическом дискурс-анализе институтов, организаций и публикаций, связанных с германской программой репатриации, и на качественном анализе материалов нарративных интервью с российскими немцами в Германии, проведенных автором в ходе полевых исследований. Автор попытался проследить особенности описаний личного и семейного миграционного опыта российских немцев нескольких поколений и ответить на вопросы о том, кем, как и где конструируется коллективный нарратив российско-немецкой истории.

Ключевые слова: коллективная идентичность, миграция, ФРГ, российские немцы, репатриация, нарративы, дискурс-анализ.

Введение

Каким образом люди начинают идентифицировать себя в качестве членов определенной группы? Как группы становятся узнаваемы извне? Как они сохраняют свои черты в долгосрочной перспективе? Политологи и социологи отвечают на эти вопросы с помощью понятия «коллективная идентичность». В настоящей статье данное понятие применяется к сообществам мигрантов. Статья основана на проведенном автором эмпирическом исследовании конструирования коллективной идентичности среди российских немцев, проживающих в Германии.

Социолог культуры Стюарт Холл определил понятие «идентичность» как «временную привязанность к субъектным позициям, которые конструируют для нас дискурсивные практики» [Hall 1996: 5]. Тем самым, в понимании Холла идентичность является «швом» между позицией субъекта и репрезентациями, структурами значения в обществе [ibidem]. Мы попытались найти «шов», о котором писал Холл, используя концепцию нарративной идентичности с одной стороны, и метод критического дискурс-анализа – с другой стороны.

Данное эмпирическое исследование посвящено конструированию коллективной идентичности российских немцев, переехавших в Германию из стран бывшего СССР в качестве «репатриантов». Репатриацию можно определить как процесс возвращения к «месту происхождения». В международном праве политика репатриации рассматривается как реализация «права на возвращение» – универсального права на перемещение на территорию страны, которую данное лицо считает своей родиной¹. В Германии программа репатриации была разработана в 1950-е годы и предусматривала автоматическое получение

¹ Это право закреплено во Всеобщей декларации прав человека и в Международном пакте о гражданских и политических правах (принят в 1948 г. для содействия возврату перемещенных лиц и военнопленных на родину). См. *The Universal Declaration of Human Rights*. 2014. URL: <http://www.un.org/en/documents/udhr/index.shtml#a13> > (accessed 27.06.2014); *Human Rights Watch Policy on the Right to Return*. 2014. URL: <http://www.hrw.org/legacy/campaigns/israel/return/iccpr-rtr.htm#ft1> > (accessed 27.06.2014). Государства, на территории которых были конфликты, могут проводить политику репатриации в отношении беженцев и военнопленных. Некоторые государства используют программы по репатриации для регулирования миграционных потоков.

гражданства и социальную помощь репатриантам. Эта группа представляет особый исследовательский интерес из-за опыта миграций и переселений, который присутствует в биографиях нескольких поколений российских немцев. Этот опыт обусловлен восприятием их этнической принадлежности к «немцам» со стороны государства – Российской империи, СССР, фашистской Германии и ФРГ. Меняющийся политический контекст приводил к тому, что представители этой группы буквально «переписывали» свою семейную историю на протяжении нескольких поколений, скрывая или акцентируя разные факты своих биографий и биографий своих предков в зависимости от угроз и возможностей для существования. Это привело к тому, что нарративы российских немцев о семейной истории фрагментированы и детерминированы дискурсивными рамками того общества, в котором они проживают. Следовательно, кейс российских немцев является важным для понимания того, кем, как и где конструируется коллективный нарратив группы мигрантов.

Термин «российские немцы» относится к группе этнических немцев, чьи предки мигрировали в Российскую Империю с германских территорий в XVIII в. С 1950-х годов, согласно законам ФРГ, представители этой группы имели право претендовать на возможность быть репатрированными в Германию. Первоначальный набор законов, регулирующий политику в отношении репатриации и гражданства в ФРГ, был принят в Западной Германии в 1953 г. и распространялся на граждан ГДР и российских немцев, проживающих на территории СССР, а также стран восточного блока. Политика репатриации ФРГ была построена на убеждении, что каждый этнический немец имеет право жить в демократическом государстве этнических немцев и оформить гражданство ФРГ. Из-за ограничений на эмиграцию в СССР многие российские немцы не имели возможности воспользоваться репатриационными законами Германии до конца 1980-х годов, когда благодаря внесению изменений в закон «О въезде и выезде» (от 28 августа 1986 г.) началась волна российско-немецкой эмиграции в Германию. С 1990 по 1999 гг. более двух млн российских немцев иммигрировали в Германию из советских республик². Процесс эмиграции продолжается и сегодня, в основном по линии воссоединения семей. В настоящее время в ФРГ насчитывается примерно 3,2 млн российских немцев вместе с членами семей³.

В условиях интенсификации миграционных потоков российских немцев из СССР, а затем и из бывших советских республик, власти Германии разработали ряд дополнительных требований для желающих принять участие в программе репатриации, а законы, регулирующие репатриацию, приняли более ограничительный характер. На протяжении 1990-х годов были также разработаны меры по трудоустройству репатриантов в Германии: на уровне муниципалитетов и земель предлагались курсы немецкого языка, курсы переквалификации, а также различные консультативные услуги по вопросам жизни в Германии. Специально для российских немцев были созданы рабочие места на вторичном рынке труда, выделялись государственные средства для финансирования российско-немецких организаций, клубов, обществ. Многие российские немцы прошли через систему институтов и организаций, выстроенную властями Германии, которые структурировали опыт и нарративы репатриантов при переезде и адаптации к жизни в новой стране. Биографический опыт репатриантов и дискурсивные рамки их нарративов составили базис данного исследования.

² Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. *(Spät-)aussiedler in Deutschland: Eine Analyse Aktueller Daten und Forschungsergebnisse*. 2013. URL: http://www.bmi.bund.de/SharedDocs/Downloads/DE/Broschueren/2013/spaetaussiedler-in-deutschland.pdf?__blob=publicationFile (accessed 27.06.2014).

³ Ibidem.

Методология и метод

В данном исследовании предпринимается попытка объединить биографический метод и дискурс-анализ в целях изучения жизненных траекторий российско-немецких мигрантов с одной стороны, и институциональных условий их миграционных и интеграционных путей – с другой стороны. В анализе миграционного опыта российских немцев используется биографический метод, базирующийся на концепциях Г. Розенталя. Дискурс-анализ, проведенный в соответствии с методологией М. Фуко и З. Йегера, позволил увидеть политические рамки формирования данного опыта. В исследовании также был использован метод включенного наблюдения.

Биографический метод, согласно немецкой традиции, основан на проведении и анализе нарративно-биографических интервью. С его помощью можно создать картину о нарративной идентичности респондентов. В рамках этого подхода биографический рассказ является формой самообоснования и упорядочивания жизненного опыта [Рождественская 2012: 76]. Частные биографии важны для изучения общества в целом, так как при анализе каждой жизненной траектории можно выявить необходимые социальные условия для того, чтобы биография сформировалась именно таким образом.

Г. Розенталь разработала инструментарий для социологического изучения биографий. Ее метод делится на два этапа: интервью и последующий анализ в форме реконструкции биографии. Нарративно-биографическое интервью по Г. Розенталь в свою очередь делится на две части: первая часть – нарративная, в ходе которой интервьюер задает первый вводный вопрос респонденту о его жизни в целом. Во время ответа респондента на первый вопрос интервьюер не должен прерывать ответ или задавать уточняющие вопросы («нарративный блок»). Во второй части интервью интервьюер в хронологическом порядке может задать множество открытых уточняющих вопросов, которые также должны стимулировать нарративы. Последующий анализ транскрипта интервью Розенталь называет «реконструкцией кейса». Этот этап включает в себя анализ исторического контекста, стоящего за каждым биографическим событием, вычленение того, в каком свете респондент себя представляет в ходе своего биографического рассказа (Я-концепция респондента), реконструкцию⁴ значимых для респондента биографических событий в хронологическом порядке, а также сравнение данной реконструкции с исторической реконструкцией из первого этапа анализа [Rosenthal 2014: 187].

Критический дискурс-анализ представляет собой конкретную исследовательскую программу в рамках социальных наук. Данный подход отталкивается от идей М. Фуко и исследует роль дискурсов в воспроизводстве власти и доминирования [Van Dijk 1993: 249]. «Дискурс» в рамках этой парадигмы определяется как институционализованный способ коммуникации, который регулирует и воспроизводит некоторые социальные практики и является источником власти [Link 1983: 60]. Тем самым, дискурсы не только отражают реальность, но и создают ее [Jäger, Maier 2009: 36]. В данном исследовании мы использовали поэтапный метод дискурс-анализа, разработанного З. Йегером и Ф. Майер. Он заключается в циклическом рассмотрении текстовых данных, начиная со структурного анализа

⁴ «Реконструкция» в данном контексте обозначает подробное письменное описание событий. Исследователь своими словами должен выписать в хронологическом порядке все, что релевантно для интервью и для исторических эпох, описанных респондентом. Реконструкция, тем самым, представляет из себя таблицу со списком дат и описанием событий и контекстов, а также описанием восприятия событий респондентом.

«дискурсивной нити» и заканчивая глубоким анализом типичных дискурсивных фрагментов [Jäger, Maier 2009: 55].

В основу исследования легли проведенные автором 32 индивидуальных нарративно-биографических интервью, 4 семейных нарративных интервью, 8 экспертных интервью, 7 включенных наблюдения, а также многочисленные опубликованные российско-немецкими организациями материалы (книги, брошюры, газеты) и нормативно-правовые акты Германии.

Корпус нарративно-биографических индивидуальных интервью включает в себя интервью с 28 российскими немцами, проживающими в Германии (14 женщин, 14 мужчин) и 4 интервью с российскими немцами, проживающими в России (2 женщины, 2 мужчины). Респонденты в Германии представляют гетерогенную группу выходцев из СССР, России, Казахстана, Узбекистана, Киргизстана; проживающих в деревнях и в крупных городах; имеющих высшее образование и не имеющих высшего образования; работающих в разнообразных отраслях экономики и безработных; представителей разных поколений, в возрасте от 26 до 85 лет; переехавших между 1991 и 2014 г. на разных стадиях жизни, от 11 лет до пенсионного возраста. Респонденты в России представляют маленькую контрольную группу людей, проживающих на данный момент в Москве, имеющих право переехать в Германию, но не воспользовавшихся им. Эти респонденты являются представителями трех поколений образованных российских немцев, приехавших в Москву из Сибири и из Казахстана. Один из респондентов из этой группы является реиммигрантом, т.е. вернувшимся в Россию после проживания в Германии.

Респонденты были отобраны для исследования на первом этапе по принципу теоретической выборки [Strauss, Corbin 2008: 143; Charmaz 2006: 99] и на втором этапе по принципу целевой выборки [Девятко 2002: 227; Mason 2002: 120]. Теоретическая выборка была сформирована, исходя из представлений о том, что в разных городах и поселениях могут иметь место различные условия для адаптации и социализации российских немцев. Теоретическая выборка являет собой набор кейсов максимальной вариации, т.е. представляющие все распространенные модели изучаемого явления (по месту проживания в Германии/в бывшем СССР, по уровню образования, по политическим предпочтениям, по религиозной принадлежности, по профессии). Для конструирования данной выборки предварительно выделялись социальные группы переехавших российских немцев. Критериями стали пол, возраст, год переезда, возраст переезда, род занятости. На следующем этапе целевая выборка была обусловлена критерием активности/не активности респондентов в политике и в российско-немецких организациях.

Экспертные интервью были проведены с депутатом бундестага от партии ХДС, с представителем организации по работе с российско-немецкой молодежью⁵, с представителем пограничного лагеря «Фридланд», куда приезжают только что прибывшие на территорию Германии российско-немецкие переселенцы для оформления документов при государственных органах ФРГ, с организатором берлинской выставки истории российских немцев, и со специалистом Геттингенского университета им. Георга-Августа по российским немцам в Германии и в Украине.

Исследование также включает в себя материалы по итогам серии включенных наблюдений в официальных, культурных и семейных местах встреч российских немцев в Германии. Наблюдения велись в пограничном лагере «Фридланд», в «интеграционных домах» для российских немцев в Гамбурге и в Берлине, в выставочном пространстве ратуши берлинского района Марцан, где размещается постоянная выставка истории российских немцев, и в домах российско-немецких семей во время праздников.

⁵ *Deutsche Jugend aus Russland – L.G. Hessen e.V.*

Результаты

Путем анализа интервью и критического дискурс-анализа институтов, организаций и их публикаций удалось выделить некоторые тенденции в рассказах респондентов и в позиции государственных организаций и институтов по вопросам миграции и истории российских немцев. Во-первых, анализ биографических интервью уехавших в Германию российских немцев указал на присутствие четкого доминирующего нарратива в их рассказах о себе. Нарратив российских немцев, проживающих в России, как показали интервью с контрольной группой, отличается содержательно, а также не имеет столь четких границ. Во-вторых, анализ институциональной среды российских немцев в Германии указал на существование механизмов производства и распространения данных нарративов со стороны государственных структур.

Доминирующий биографический нарратив уехавших в Германию российских немцев тесно связан с историей предков российских немцев и может быть описан следующим образом: «Наших предков пригласила Екатерина II в Российскую империю в Поволжье, где мы и жили до депортаций при Сталине из-за его опасений, что мы связаны с фашистами. Нас депортировали в Сибирь или в Среднюю Азию, где наши предки работали в трудовой армии. После окончания войны в СССР наша семья продолжала подвергаться дискриминации. В конце 1980-х и начале 1990-х годов в республиках поднялись националистские настроения, мы чувствовали себя в небезопасности, и как только появилась возможность, уехали в Германию по приглашению Гельмута Коля». Данный нарратив в той или иной форме присутствовал в «нарративных блоках» всех поколений опрошенных российских немцев, т.е. являлся ответом на первый вводный вопрос, когда интервьюер просил респондента рассказать историю его жизни.

Во время второго этапа интервью (расспроса) исходная конструкция разбивалась и рассказ принимал совсем иные формы. За исключением двух респондентов, все интервьюируемые при расспросе рассказывали противоречащие исходному нарративу детали семейной истории. Противоречия между исходным нарративом, который у большинства респондентов оказался общим, и последующим рассказом были установлены во время расспроса в ходе интервью и далее исследованы путем реконструкции биографических данных по методу Г. Розенталя. Как правило, эти противоречащие детали включали в себя обстоятельства переездов предков и родственников и их действия во время Второй мировой войны. Систематически не вписывались в исходный нарратив следующие моменты: многие семьи не жили в Поволжской республике российских немцев; предки некоторых воевали на стороне Германии во время Первой мировой войны; многие семьи прошли через раскулачивание; предки многих респондентов воевали на стороне фашистской Германии во время Второй мировой войны; у некоторых из них родственники переехали в Германию и там остались во время Второй мировой войны; многие уехали в Сибирь или в Казахстан из европейской части Российской империи или СССР сами, а не во время депортаций; некоторые семьи не были депортированы, некоторые российские немцы занимали высокие посты в СССР и состояли в коммунистической партии. Тем самым, была установлена тенденция среди интервьюируемых российских немцев представлять доминирующий нарратив семейной истории и при этом систематически замалчивать или сглаживать определенные детали своих семейных историй. Этот этап анализа натолкнул на вопрос о том, кем и как формулируется доминирующий и замкнутый нарратив российско-немецкой истории в Германии.

Одним из самых знаковых кейсов данного исследования стала история семьи молодого человека 32 лет, который переехал в Германию из Казахстана в возрасте четырнадцати лет. Назовем его Виктор. На момент интервью Виктор проживал в Гамбурге и работал в «интеграционном доме», а также вел активную общественную деятельность, связанную с проектами российских немцев в Германии. Он рассказывал многое о судьбе своих предков, о депортациях и о трудовой армии. Во время расспроса выяснилось, что он с родственниками никогда не обсуждал свою семейную историю. В ответ на вопрос о том, откуда он знает о пребывании его бабушки в трудовой армии, Виктор сказал, что такими вопросами он заинтересовался, когда начал петь в хоре российских немцев при «интеграционном доме» Гамбурга, где он и узнал про историю российских немцев. Дальнейшие расспросы и последующее биографическое интервью со старшей родственницей Виктора показали, что его прабабушка и ее сестры переехали в Германию во время Второй мировой войны. Сестры прабабушки Виктора остались жить в Германии, в то время как его прабабушка была депортирована обратно в СССР вместе со своей дочерью, вероятно от немецкого военнослужащего, при содействии американских военных. Эта история систематически замалчивалась в семье и особенно тщательно скрывалась родственницей Виктора при переезде в Германию в качестве позднего переселенца. Она рассказывала, что при получении документов о статусе позднего переселенца в Германии она записала и заучила речь о своей биографии, а также биографии родственников на немецком языке, чтобы представить свою историю во время интервью с представителем Федерального административного ведомства Германии.

Данный кейс одной семьи указывает на связь между пониманием индивидами собственной семейной истории и деятельностью государства, а также российско-немецких организаций. Родственница Виктора, которая была старше него и знала больше об истории их семьи, специально сформулировала историю своих предков определенным образом для официального интервью, на основе которого решался вопрос о получении статуса позднего переселенца в Германии. Она воспринимала некоторые факты жизни своих предков как нежелательные для интервью, и потому их замалчивала. Тем самым ее восприятие ожиданий Федерального административного ведомства Германии диктовало рамки и структуру ее биографического нарратива. Виктор, представлявший уже следующее поколение этой семьи, позиционировал себя как человек, очень хорошо знакомый с историей российских немцев. При этом он не был знаком с историей своей семьи, которая, как выяснилось, противоречила его нарративу. Источником его знаний о российских немцах стала организация российских немцев в Гамбурге, и эти знания уже воспринимались и репрезентировались Виктором в качестве истории его собственной семьи. Виктор стал влиятельным человеком в общественных движениях российских немцев не только в Гамбурге, но также в Германии в целом, а сформированное таким образом видение потребностей и образов российских немцев теперь диктует деятельность нескольких организаций в городе. Чтобы понять источник и механизмы распространения доминирующих нарративов российских немцев в Германии, необходимо изучить дискурсы в их институциональной среде.

Российские немцы, переезжающие в Германию из стран бывшего СССР, проходят через несколько официальных инстанций, и на каждом этапе им необходимо продемонстрировать факт своей причастности к группе российских немцев. Они проходят через «фильтры» немецких государственных органов. Если подающие на статус поздних переселенцев индивиды не соответствуют требованиям ФРГ, федеральные органы могут отсеять людей и не дать им

возможности въехать в страну на правах поздних переселенцев или отказать им в доступе к определенным льготам для поздних переселенцев. Первая инстанция переезда – это подача документов на переезд в ФРГ. Законы, регулирующие репатриацию российских немцев, подвергались изменениям на протяжении 1990-х и 2000-х годов. На момент самого интенсивного потока, 1992-1996 гг., желающие быть репатрированными в Германию предоставляли следующие документы: официальную анкету, свидетельство о рождении, свидетельство о браке, паспорта с указанием немецкой национальности, родословную книгу семьи, церковные документы родственников, свидетельства о том, что родственники служили в трудовой армии или жили под комендатурой, а также доказательства культурных связей с Германией и, с 1993 г., доказательство владения немецким языком. Перечень документов мог меняться в каждом индивидуальном случае, так как Федеральное административное ведомство Германии (при подчинении Министерства внутренних дел ФРГ) вправе запрашивать дополнительные доказательства. Для подачи этих документов переезжающим семьям необходимо было обращаться в архивы и искать документы о семейной истории. Отказы со стороны немецких властей в предоставлении ходатайствующему лицу статуса позднего переселенца могли быть основаны на том, что в паспорте не была указана немецкая национальность, что индивид занимал высокие позиции в партии или на работе в СССР, и не являлся угнетенным по принципу этнической принадлежности и т.д. Таким образом, желающие переехать в Германию должны были в обязательном порядке поднять, осмыслить и оформить свое прошлое и прошлое родителей, бабушек и дедушек. Административные требования со стороны государства Германии фактически принуждали российских немцев к осмыслению и к переработке своей истории и прошлого своей семьи.

В том случае, если Федеральное административное ведомство Германии присылало приглашение на переезд, ходатайствующие лица приезжали на территорию Германии и отправлялись в специальные «пограничные лагеря». В этих лагерях они проходили медицинский осмотр, интервью, оформляли документы для дальнейшего получения гражданства в Германии, а также на прохождение курсов немецкого языка, и получали направление в регион будущего места жительства. Гражданство ФРГ оформлялось уже после переезда из лагеря в регион по распределению, что требовало дальнейшего интервью и оформления. В начале 1990-х годов продолжительность пребывания в лагере могла составлять от месяца до двух месяцев. В настоящее время пребывание переселенцев в лагере составляет от трех дней до недели; действует один лагерь («Фридланд»), который продолжает принимать российско-немецких переселенцев.

Нарративно-биографические интервью, а также 4 семейных интервью с только что прибывшими в лагерь переселенцами показали, что лагерь является важным местом первой социализации российских немцев на территории Германии. Несмотря на то, что многие из переезжающих во второй половине 1990-х и в 2000-е годы до момента своего переселения уже приезжали в Германию в качестве туристов или гостей, этап лагеря играл важную роль в формировании их восприятия своего статуса в Германии на начальной стадии переселения, а восприятие респондентом своего статуса на момент интервью также структурировало отношение к лагерю в воспоминаниях. Некоторые респонденты рассказывали, что были травмированы тем, что к ним «обращались свысока, как к стаду неспособных и нуждающихся в гуманитарной помощи людей» (цитата из интервью от 06.01.2014). Некоторые респонденты, напротив, отмечали контраст эффективной организации работы и чистоты лагеря по сравнению с ведомствами Казахстана и с радостью вспоминали, «как нас встретили! Ну как же нас хорошо встретили, в этом вся Германия!» (из интервью от 08.01.2014). Воспоминания о

своим отношением к ситуации в лагере для большинства респондентов, которые через него проходили во взрослом возрасте, коррелируют с тем, как респондент воспринимает свою жизнь в немецком обществе на сегодняшний день.

Важным аспектом повседневности в лагере для переселенцев является пребывание в залах ожидания, где есть возможность ознакомиться с предоставленной Федеральным административным ведомством литературой. Включенное наблюдение показало, что речь идет как о старых, так и о новых номерах российско-немецких газет, которые переселенцы активно читают во время пребывания в очереди. Анализ брошюр и газет, распространяемых в здании в Федеральном административном ведомстве, показал, что они несут определенный посыл. Так, немецкоязычный журнал *Volk auf dem Weg* («Народ в пути»), публикующийся землячеством немцев из России («*Landsmannschaft der Deutschen aus Russland*»), печатает материалы о российских немцах в Германии для российских немцев в качестве целевой аудитории. Все статьи относятся к трем ключевым категориям: истории успешных российских немцев, истории о волонтерстве российских немцев в интеграционных проектах, семейные истории репрессий в СССР. В номере журнала за февраль 2014 г. (этот номер был самым свежим на момент проведения включенного наблюдения во Фридланде в рамках данного исследования) почти все визуальные репрезентации в журнале являлись портретами российских немцев, проживающих в Германии, за исключением двух фотографий, на одной из которых фигурировала скульптура работницы трудовой армии, созданная российско-немецким скульптором (вторая фотография изображала его же картину, пейзаж). В том же номере представлена длинная статья об истории российско-немецкой семьи менонитов, которые говорят на древнем немецком диалекте и подчеркивают свою немецкую идентичность, настаивая на том, что хотя они приехали из СССР, они не считают себя иммигрантами, а воспринимают себя в качестве «вернувшихся» в Германию. Таким образом, журнал подчеркивает приоритетность немецкой идентичности российских немцев и ставит акцент на репрессиях и дискриминации в СССР. Тот факт, что журнал представлен в большом количестве в лагере Фридланд, указывает на то, что он отвечает приоритетным направлениям репрезентации жизни российско-немецкой общины в Германии для государства ФРГ.

После лагеря переселенцы переезжают в регион распределения в общежитие, посещают курсы немецкого, ищут работу и постоянное жилье. Для некоторых российских немцев тесное, ежедневное общение с государственными структурами, занимающимися вопросами российских немцев, кончается на этапе получения гражданства и устройства на работу. В то же время, многие из них продолжают сталкиваться со структурирующей идентичность политикой государства через участие в общественной жизни российско-немецкой общины. Так, существует множество российско-немецких организаций в Германии, которые финансируются государственными грантами. Мы приведем пример одной такой организации и одной связанной с ней российско-немецкой выставки в Берлине.

Интеграционный дом в Берлине под названием «*Lyra e.V.*» («Ли́ра») является зарегистрированной некоммерческой организацией при Центре трудоустройства Берлина. «Ли́ра» предоставляет рабочие места на вторичном рынке труда, т.е. создает занятость для безработных жителей Берлина и занимается вопросами «успешной интеграции немцев из России и русскоговорящих иммигрантов» всех возрастов⁶. «Ли́ра» предоставляет консультативные услуги на русском языке по вопросам трудоустройства и заполнения анкет, обучению немецкому языку,

⁶ Lyra e.V. Integrationshaus. 2014. URL: http://www.lyra-ev.de/#unsere_partner (accessed 27.06.2014).

организации мероприятий, а также оказывает услуги сопровождения по инстанциям, где необходимо владеть немецким языком⁷.

Одним из проектов организации стало содействие созданию выставки по истории российских немцев под названием «Прерванное молчание». Помимо интеграционного дома «Ли́ра», с финансированием и поддержкой выставки помогли глава городского района Марцана и партия «*Die Linke*» (Левая партия Германии)⁸. В апреле 2011 г. выставка получила постоянное место в ратуше района Марцан в Берлине⁹. Основная часть выставки состоит из множества плакатов с хроникой миграций российских немцев с XVIII в. до сегодняшнего дня. Плакаты включают в себя исторические фотографии, примеры анкет для переезда переселенцев в Германию, биографические истории деятельных и успешных российских немцев в Германии и генеалогические древа некоторых российско-немецких семей. В рамках исследования были проведены интервью с организаторами и посетителями выставки. Одна посетительница отметила, что «в этой выставке содержится вся история немцев из России. В ней есть история каждого, и у каждого в истории все отсюда» (цитата из интервью от 08.02.2014). Анализ взаимодействия посетителей с выставочным пространством и их реакций на экспонаты показал, что данная выставка стимулирует идентификацию с представленной картиной российско-немецкой истории и структурирует восприятие российских немцев своего прошлого.

Итак, практически все государственные и общественные институты и организации для российских немцев тем или иным образом затрагивают тему истории российских немцев. Нарратив истории российских немцев структурируется институциональными «фильтрами», через которые проходят и в формировании которых участвуют российские немцы в Германии. Взаимодействие с этими фильтрами начинается с момента сбора и подачи документов на выезд в Германию и продолжается уже на территории Германии в лагере, а далее на уровне общественных организаций и массовых мероприятий. Эти фильтры формируют и собственный нарратив идентичности и семейной истории.

Заключение

Посредством работы с нарративно-биографическими интервью и с официальными дискурсами, а также анализа институциональной среды российских немцев в Германии можно сделать несколько выводов о том, каким образом формируется коллективная идентичность российских немцев в Германии. Во-первых, доминирующий дискурс истории российских немцев формируется системой «фильтров» в немецком принимающем сообществе, а эти фильтры, в свою очередь, были сформированы из элементов индивидуальных историй. Когда российский немец подает документы на переезд, доказывая, что он этнический немец, въезжает в страну, сталкивается с существующей литературой о российских немцах в газетах и журналах, оформляет гражданство, вступает в российско-немецкие организации, осваивает гранты для российско-немецких интеграционных проектов и участвует в общественной жизни этой группы, у этого человека формируется определенное понимание своего пройденного «пути» и пути предков. Это понимание

⁷ Berlin.de, das offizielle Hauptstadtportal. *Freie Träger der Migrantenarbeit in Lichtenberg*. 2014. URL: <http://www.berlin.de/ba-lichtenberg/politik/integrationsbeauftragte02.html> (accessed 27.06.2014).

⁸ Klaus-Jürgen Dahler, *Die Linke. Geschichte der Russlanddeutsche hat jetzt eine ständige Ausstellung*. 2011. URL: <http://www.klausjuergendahler.de/bezirk/57-geschichte-der-russlanddeutschen-hat-jetzt-eine-staendige-ausstellung.html> (accessed 27.06.2014).

⁹ С тех пор выставку переместили в здание интеграционного дома «Ли́ра» в район Лихтенберг. Исследование проводилось когда выставка была размещена в ратуше района Марцан.

воспроизводится как усредненная «коллективная история» российских немцев в Германии.

Существуют фильтры государственные, в форме работы с анкетами подающих на переезд российских немцев или в форме ведомства в принимающем российских немцев лагере, а также дальнейшие фильтры общественных организаций и мероприятий, которые открываются или устраиваются активными российскими немцами в Германии. Данные организации и мероприятия часто финансируются через государственные каналы, тем самым они отражают государственную повестку дня в области политики идентичности и интеграции в немецкое общество. Образовывается некая конкуренция между общественно активными российскими немцами за государственные ресурсы, и таким образом разыгрывается конкуренция за возможность формировать коллективную идентичность. Определенные акторы получают гранты, а значит и доступ к дискурсивным и коммуникативным ресурсам, через которые осуществляют символическую власть [см. Bourdieu 1984].

Эта конкуренция отражает взаимную зависимость структурирующих друг друга коллективных и личных нарративов. Для того, чтобы нарратив стал коллективным, он должен в какой-то степени соответствовать элементам личных нарративов членов группы, и эти элементы должны передаваться институциональными путями. Так, институты производят нарративы на основе личных историй членов группы, а члены группы далее воспроизводят эти нарративы через те же и другие институты, распространяя нарратив в определенных кругах.

Исследование показало, что у российских немцев, которые не прошли через немецкую систему «фильтров», отсутствуют доминирующие нарративы, описанные выше. Например, у российских немцев в России другие нарративы, чем у российских немцев такого же возраста и происхождения в Германии¹⁰. При этом среди общественно и политически активных российских немцев в Германии имел место более четко сформированный доминирующий нарратив, чем у тех, кто не занимается общественной или политической деятельностью.

Исходя из эмпирических материалов данного исследования, коллективную идентичность можно определить как общий нарратив или рассказ, субъективное восприятие некоей обобщенной истории группы как своей истории. Необходимость осмыслить или переосмыслить свое прошлое усиливается при миграции в новое место жительства, так как мигранты сталкиваются с поисками своего места в новом обществе. В такой ситуации решающую роль в формировании «нового» отношения к прошлому играют принимающие государственные институты, которые делают миграцию возможной и далее отвечают за интеграцию мигрантов в принимающее сообщество. При массовой миграции, как в случае с российскими немцами, когда из одного региона в течение определенного периода переезжает большое количество людей по одному и тому же институциональному каналу, данный процесс становится наиболее явным. Процессы формирования коллективной идентичности особенно очевидны при репатриации и наличии соответствующих программ, в условиях которых сам процесс миграции обоснован историческими конструктами и определенной интерпретацией прошлого государством. В случае репатриации принимающее государство играет ведущую роль даже в индивидуальном понимании семейной истории, а также в понимании мигрантами своего места в обществе через эту историю. Отсюда может проистекать коллективное ощущение истории группы как истории жертв и повышенное ощущение индивидуальной и групповой зависимости от государства во многих сферах жизни.

¹⁰ Нарративы российских немцев в России станут предметом следующего этапа данного исследования.

Индивиды идентифицируют себя в качестве членов сообществ посредством нарративов, или рассказов. Группа делает себя узнаваемой извне и сплоченной изнутри, когда члены группы оперируют одними и теми же категориями в своих рассказах о себе. Индивиды определяют свою идентичность через рассказ, который включает в себя устоявшиеся коллективные репрезентации группы и становится частью личного переживания рассказчика. В этой схеме важнейшую роль играют институты, воспроизводящие нарративы, принимающие коллективный характер. Через государственные и общественные организации и институты нарративы встраиваются в выставки, в мероприятия и даже в нормы и законы. Организации и институты позволяют нескольким поколениям воспроизводить и сохранять свои нарративы на протяжении времени.

Десятко И.Ф. 2002. *Методы социологического исследования*. 2-е изд. М.: Университет. 295 с.

Рождественская Е.Ю. 2012. *Биографический метод в социологии*. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. 384 с.

Bourdieu P. 1984. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 640 p.

Hall S. 1996. Introduction: Who Needs Identity? – Hall S., du Gay P. (eds). *Questions of Cultural Identity*. L.: Sage. P. 1-17.

Jäger S., Maier F. 2009. Theoretical and Methodological Aspects of Foucauldian Critical Discourse Analysis and Dispositive Analysis. – Wodak R., Meyer M. (eds.). *Methods of Critical Discourse Analysis*. L.: Sage. P. 34-61.

Link J. 1983. *Elementare Literatur und Generative Diskursanalyse*. München: Fink Verlag. 187 p.

Mason J. 2002. *Qualitative Researching*. 2nd edition. L.: Sage. 224 p.

Rosenthal G. 2014. *Interpretative Sozialforschung: Eine Einführung*. 4. Auflage. Weinheim, Basel: Juventa Verlag. 255 p.

Strauss A., Corbin J. 2008. *Basics of Qualitative Research: Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory*. 3rd edition. L.: Sage. 400 p.

Van Dijk T. 1993. Principles of Critical Discourse Analysis. – *Discourse & Society*. Vol. 4. No. 2. P. 249-283.

MIGRATION POLICY AND COLLECTIVE IDENTITY: THE CASE OF THE RUSSIAN-GERMANS IN GERMANY

O.I. Zeveleva¹

¹ National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia.

ZEVELEVA Olga Igorevna, Doctoral Student, Department of Sociology, NRU HSE, Researcher, Laboratory of Political Studies NRU HSE. Email: olga.zeveleva@gmail.com

Received: 20.08.2014. Accepted: 15.09.2014

Abstract. This article examines the question of identity construction among migrants by looking at the case of the Russian-Germans in Germany. The article summarizes an empirical study on the German repatriation program and on the biographies of Russian-Germans who migrated to Germany from former Soviet states in the 1990s and 2000s. The author employs a critical discourse analysis of institutions, organizations and publications related to the German repatriation program, as well as a biographical analysis of narrative interviews conducted with Russian-Germans in Germany. The author has analyzed descriptions of personal biographies and family histories across generations and has sought to answer the question of how, when and where a collective identity narrative is constructed.

Keywords: collective identity, migration, Russian-Germans, repatriation, narratives, discourse analysis.

References

Bourdieu P. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1984. 640 p.
Devyatko I.F. *Metody sotsiologicheskogo issledovaniya*. 2-e izd. [Methods of Sociological Studies, 2nd edition]. Moscow: Universitet. 2002. 295 p.

Hall S. Introduction: Who Needs Identity? – Hall S., du Gay P. (eds). *Questions of Cultural Identity*. L.: Sage. 1996. P. 1-17.

Jäger S., Maier F. Theoretical and Methodological Aspects of Foucauldian Critical Discourse Analysis and Dispositive Analysis. – Wodak R., Meyer M. (eds.). *Methods of Critical Discourse Analysis*. L.: Sage. 2009. P. 34-61.

Link J. *Elementare Literatur und Generative Diskursanalyse*. München: Fink Verlag. 1983. 187 p.

Mason J. *Qualitative Researching*. 2nd edition. L.: Sage. 2002. 224 p.

Rosenthal G. *Interpretative Sozialforschung: Eine Einführung*. 4. Auflage. Weinheim, Basel: Juventa Verlag. 2014. 255 p.

Rozhdestvenskaya E.Yu. *Biograficheskiy metod v sotsiologii* [The Biographical Method in Sociology]. Moscow: NIU VShE Publ. House. 2012. 384 p.

Strauss A., Corbin J. *Basics of Qualitative Research: Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory*. 3rd edition. L.: Sage. 2008. 400 p.
Van Dijk T. Principles of Critical Discourse Analysis. – *Discourse & Society*. 1993. Vol. 4. No. 2. P. 249-283.